

Полицейская деятельность

Правильная ссылка на статью:

Комаров А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия деятельности "дропов" //

Полицейская деятельность. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.5.75707 EDN: ATAZIC URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75707

Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия деятельности "дропов"

Комаров Антон Анатольевич

ORCID: 0000-0002-1330-4236

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного права и национальной безопасности; Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, оф. 503

✉ reise83@mail.ru

[Статья из рубрики "Экспертно-криминалистическая деятельность полиции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0692.2025.5.75707

EDN:

ATAZIC

Дата направления статьи в редакцию:

31-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает уголовно-правовая и криминологическая характеристика деятельности так называемых «дропов» – посредников в мошеннических схемах, обеспечивающих перемещение и легализацию преступно полученных денежных средств. Объектом анализа являются общественные отношения, связанные с привлечением к ответственности лиц, непрямо участвующих в совершении мошенничеств, но играющих ключевую роль в реализации преступных доходов. Автор подробно рассматривает такие аспекты проблемы, как эволюция способов обналичивания средств (от традиционного atm-банкинга до использования криптовалют), пробелы в квалификации действий посредников и дисбаланс санкций в действующем законодательстве. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу подходов к криминализации деятельности дропов в зарубежных юрисдикциях (США, КНР), а также оценке эффективности последних изменений в ст. 187 УК РФ. В работе применяются сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Использован сравнительный подход к изучению правового регулирования в РФ, США и КНР. Основными выводами проведённого исследования являются: выявление системных пробелов в квалификации деятельности дропов, дисбаланса санкций между организаторами и посредниками, а также недостаточной адаптации уголовного законодательства к использованию криптовалют в преступных схемах. Новизна исследования заключается в комплексном анализе феномена «дроперства» не только как уголовно-правового, но и как социально-экономического явления, прошедшего историческую эволюцию от банкоматного мошенничества до криптовалютных операций. Особый вклад автора состоит в разработке концепции дифференциации ответственности, а также в предложении механизмов имплементации зарубежного опыта с учётом особенностей континентальной системы права. Доказана необходимость принятия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для унификации судебной практики и корректировки санкций за посредничество в мошенничестве в целях соблюдения принципа соразмерности наказания.

Ключевые слова:

обналичивание преступных доходов, уголовное право, электронные средства платежа, мошенничество, криптовалюты, дроп, Неправомерный оборот карт, банковская карта, посредничество преступное, зарубежный опыт

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальной цифровизации общественных отношений фиксируется устойчивая тенденция к трансформации структуры преступности, характеризующаяся экспоненциальным ростом удельного веса мошеннических посягательств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Особую проблему представляет феномен участия так называемых «дропов» (от англ. "drop" – ронять, кидать) – лиц, задействованных в преступных схемах в качестве посредников, обеспечивающих перемещение материальных ценностей от потерпевших к преступнику. В доктрине уголовного права отсутствует единый подход к квалификации подобного участия:

- с одной стороны, оно демонстрирует признаки прикосновенности к преступлению;
- с другой – содержит элементы соучастия, но при потенциально различных формах вины.

На современном этапе развития юридической науки проблема использования так называемых «дропов» в качестве участников преступной деятельности остаётся недостаточно изученной в рамках фундаментальных исследований. Однако степень научной разработанности данного вопроса варьируется в зависимости от отраслевой специфики. В частности, в рамках уголовно-правовой науки выделяется несколько перспективных направлений исследования указанной тематики. Некоторые авторы концентрируются на признаках субъекта преступления. Значительный вклад в разработку данного аспекта внесли такие исследователи, как В.В. Копылов, О.М. Прокофьев, Ю.С. Калошина, И.Ю. Газимуллин ^[1] и А.М. Ахатова.

Параллельно существует научное направление, акцентирующее внимание на

исследовании субъективной стороны состава преступления с участием «дропа». Его представители (Р.Р. Гайфутдинов, С.А. Тимко, А.П. Подшивалов^[2, 3] подвергают сомнению квалификацию их действий как соучастие, обращая внимание на степень осознания ими характера и последствий совершаемых действий. Эта позиция свидетельствует о склонности рассматривать участие дропов через призму классической концепции прикосновенности к преступлению.

В области криминологии проблематика изучена фрагментарно. Работа И.П. Родивилина^[4], хотя и содержит отдельные элементы криминологического «портрета» дропов, не посвящена комплексному изучению феномена. Иные исследования (например, работы Суходолова и Бычковой, 2019)^[5] преимущественно сфокусированы на явлении «закладчиков» в сфере наркопреступности, где термин «дроп» применяется по аналогии. В данном случае наблюдается некорректное отождествление термина «дропа» в различных контекстах преступной деятельности. Следует подчеркнуть, что данный термин изначально применяется исключительно к финансовому посредничеству в рамках корыстной преступности, тогда как «закладчики» связаны с распространением наркотических средств. Применение термина «дропа» к закладчикам, хотя и встречается в литературе, является условным и не отражает исторического значения данного феномена.

Необходимо отметить, что последствия проведения специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины выступают значимым фактором, оказывающим серьёзное влияние на состояние преступности, связанной с использованием так называемых «дропа». По мнению отдельных представителей банковских структур, на территории сопредельного государства действует до 400 колл-центров, связанных с телефонными мошенниками^[6]. В условиях антироссийских санкций преступно приобретённые безналичные средства напрямую выведены быть не могут, и для их перемещения через границу используются сложные обходные схемы с привлечением подставных лиц – граждан Российской Федерации или беженцев, проживающих на территории России и имеющих банковские карты, на которые могут быть совершены внутрироссийские переводы. За границу средства выводятся уже через другие каналы, такие как криптовалюты или международные системы денежных переводов (Western Union, MoneyGram, KoronaPay (Золотая Корона), Ria, IntelExpress, Welsend, Meest и Sigue Money Transfer). Всё это свидетельствует о том, что порог вхождения в преступный промысел повысился, поскольку организация сложных посреднических схем для отмыwania денег требует больших усилий.

Однако данное обстоятельство остаётся недостаточно изученным в рамках современной криминологической науки. Это связано с рядом причин, среди которых:

- Отсутствие достаточного объёма фактических данных, необходимых для глубокого осмысления проблемы.
- Высокая латентность компьютерной преступности, в том числе преступлений с использованием дропа, что обусловлено отсутствием системного статистического учёта в данной области.

Настоящее исследование приобретает особую значимость в свете необходимости комплексного анализа уголовной политики государств, демонстрирующих наиболее репрессивные модели правоприменительной практики в отношении «дропа». Актуальность такого анализа обусловлена стереотипным отождествлением жёсткости пенализации с эффективностью уголовно-правовой превенции, что требует более

тщательного осмысления.

В большинстве государств отсутствуют специальные нормы, непосредственно регламентирующие уголовную ответственность «дропов». В контексте данного исследования особый интерес представляют две страны, последовательно ужесточающие для них ответственность – Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Правовые системы данных государств предоставляют для изучения интересные правовые конструкции (*willful blindness* – «злонамеренная слепота»; 帮助信息网络犯罪活动罪 – «помощь в сетевых преступлениях») неизвестные континентальному уголовному праву.

Превентивный потенциал уголовного закона обусловлен не жёсткостью санкций, а неотвратимостью наказания. В этой связи требуется тщательный анализ содержания правоприменительной практики для выявления её природы. Отражает ли она необходимость действительных изменений законодательства или представляет собой правоприменительную стратегию, ориентированную на обеспечение неотвратимости ответственности?

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве методологической основы исследования применены сравнительно-правовой и формально-юридический методы анализа, а также междисциплинарный подход, интегрирующий элементы социологического, статистического и психологического анализа для изучения феномена «дроперства». Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления подходов к криминализации деятельности дропов в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Соединённых Штатах Америки. Формально-юридический метод позволил проанализировать диспозиции норм УК РФ (ст. 159, 159.1, 159.3, 159.6, 174, 187), УК КНР (ст. 191, 287.2) и федерального законодательства США (18 U.S.C. §§ 1343, 1344, 1956). Междисциплинарный подход применён для изучения социально-экономических детерминант вовлечения в посредническую преступную деятельность и анализа трансформации преступных схем.

Эмпирическую базу исследования составили:

- Статистические данные МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018-2024 гг.;
- Открытые материалы судебной практики по делам о мошенничестве с использованием электронных средств платежа;
- Статистические отчёты Банка России и Росфинмониторинга за 2018-2024 гг.;
- Публикации в рецензируемых научных журналах за последние 5 лет.

Особое внимание уделено анализу разъяснений Верховного Суда РФ, США, КНР по делам о компьютерных преступлениях. Для обработки данных использованы методы контент-анализа и систематизации правовых позиций.

ФЕНОМЕН «ДРОПЕРСТВА» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В области компьютерной преступности феномен «дроперства» обозначился в конце XX века. Первоначально он состоял в использовании подставных лиц для обналаживания

средств, полученных посредством краж данных с пластиковых карт (кардинг) или изготовления их дубликатов (скимминг). Однако в тот период речь шла преимущественно о деятельности профессиональных преступников, чем и обусловлено возникновение криминального сленга.

Подобные деяния не получали однозначной квалификации как мошенничество. В силу недостаточности уголовно-правового регулирования правоприменительная практика шла по пути дополнительного вменения ст. 158 либо ст. 159 УК РФ, поскольку целевая установка на завладение денежными средствами (наиболее желаемый предмет преступления) была приоритетной [\[7, С. 32\]](#). Основным же составом преступления в рассматриваемых случаях выступала норма, предусмотренная ст. 187 УК РФ («Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчётных карт и иных платёжных документов» – в первоначальной редакции).

На рубеже XX-XXI веков уровень распространения банковских карт и платёжных технологий в России оставался низким, что способствовало интернационализации данного вида преступлений. Основными жертвами становились держатели карт зарубежных банков, чья численность существенно превышала количество российских пользователей. В преступной среде закономерно возник вопрос о наиболее эффективных способах обналичивания похищенных платёжных средств. Это привело к более частому вменению мошенничества (ст. 159 УК РФ), в связи с развитием дистанционной торговли. Товары стали заказываться с доставкой в Россию, что вновь подтвердило потребность в подставных лицах – «дропах». Их роль включала:

- получение товаров и передачу их преступникам;
- их возможную реализацию и передачу основной части выручки организаторам схемы.

Показательно, что в начале 2000-х многие крупные маркетплейсы (Amazon, eBay) ограничили сотрудничество с постсоветским пространством, отказываясь доставлять товары в этот регион. Это было связано с высоким уровнем мошеннических операций. Данный факт демонстрирует, как преступные схемы с участием «дропов» повлияли на глобальные экономические процессы, вынуждая международные платформы ужесточать политику в отношении целых стран.

По данным Бюро специальных технических мероприятий МВД РФ, в середине 2000-х годов «время жизни» одного «дропа» в преступных схемах составляло в среднем 3-4 месяца [\[8, С. 1077\]](#). Правоохранительные органы, выявляя таких лиц, предъявляли обвинение, а преступники находили новых посредников.

Социальный портрет «дропов» того периода характерен: их вербовали через объявления на улицах и интернет-досках объявлений, предлагая «несложный заработок» студентам и лицам, находящимся в сложной финансовой ситуации [\[9\]](#). Это создавало иллюзию легального фриланса, хотя фактически вовлекало людей в преступную деятельность.

Таким образом, к середине 2000-х годов мошенничество с использованием «дропов» стало доминирующим способом получения преступных доходов, сместив акцент с прямого хищения «кардерами» денежных средств на опосредованные схемы с участием подставных лиц.

Здесь наблюдается своеобразный феномен «инверсии ролей». Фактически, «дропы» выступают в роли неосведомлённых скупщиков краденого. Однако, как свидетельствуют исследования Э. Сазерленда, скупщик краденого традиционно занимал элитарное

положение в профессиональной преступной среде [\[10\]](#). В рассматриваемой схеме мы наблюдаем принципиально иную модель: скупщиков («дропов») используют как низкоквалифицированный элемент, лишая их основной части прибыли и эксплуатируя, по сути, «втёмную». Эта модель принципиально расходится с традиционными схемами воровского мира XX века.

Трансформация преступных схем, выразившаяся в переходе от хищения карт к получению их реквизитов, хотя и упростила совершение преступлений, но существенно осложнила квалификацию. Правоприменительная практика столкнулась с необходимостью дополнительного вменения:

- ст. 272 УК РФ при наличии признаков компьютерного взлома;
- ст. 183 УК РФ в случаях незаконного получения доступа к банковской тайне.

Данная правовая неопределённость была частично разрешена законодательными новеллами: ст. 159³ УК РФ (Мошенничество с платёжными картами – первоначальная редакция), 159⁶ (Компьютерное мошенничество), что несколько упростило квалификацию.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

1. Правоприменительная практика Соединённых Штатов Америки отличается существенно более строгим подходом по сравнению с Россией. Данное различие обусловлено особенностями правовых систем и принципами конструирования составов преступлений.

В российской правовой системе обвиняемый зачастую избегает ответственности, ссылаясь на отсутствие субъективной стороны состава преступления, а именно – невозможность осознания преступного характера своих действий («не знал и не должен был знать»). В отличие от этого, американское право применяет доктрину *willful blindness* (сознательное избегание правды), которая занимает промежуточное положение между неосторожностью и косвенным умыслом [\[11, С. 225\]](#).

Сущность данного правового института заключается в концепции «безрассудного поведения» (*reckless*), под которым понимается игнорирование очевидных рисков [\[12\]](#). Важно подчеркнуть, что для привлечения к ответственности недостаточно простой неосмотрительности («не подумал») – необходимо установить факт сознательного игнорирования явных признаков противоправности (например, осуществление подозрительных переводов под предлогом «лёгкого заработка»). По мнению Верховного суда Соединённых Штатов Америки, знание (*knowledge*) не всегда подразумевает полную уверенность – достаточно доказательств того обстоятельства, что подсудимый принимал во внимание соответствующие факты, не обладая точными сведениями об их наличии или отсутствии.

Квалификация деяния может включать дополнительные составы преступлений, предусмотренные федеральным уголовным законодательством:

- Money laundering (18 U.S. Code §1956) – до 20 лет лишения свободы;
- Conspiracy to commit offence (18 U.S. Code §371) – до 5 лет (при доказанности участия

«дропа» в преступной группе);

- Wire fraud (18 U.S. Code §1343) – до 30 лет лишения свободы.

Для квалификации по §1343 требуется обязательное использование межштатных телекоммуникационных средств (телефонной связи или электронных коммуникаций). Преступления, совершённые исключительно в пределах одного штата, не подпадают под федеральную юрисдикцию и не учитываются в общегосударственной статистике. Судебная практика демонстрирует, что использование инфраструктуры федеральных операторов связи автоматически подводит деяние под действие §1343, даже если технически коммуникация осуществлялась в пределах одной базовой станции.

Следует обратить внимание на то, что в отношении «дропов» может применяться и норма о банковском мошенничестве (18 U.S. Code §1344), предусматривающая до 30 лет лишения свободы. Однако применима она только в случае наличия прямого умысла на совершение преступления и делает «дропа» полноценным соучастником данного преступления, а не рассматривается как прикосновенность к преступлению. В сравнительно-правовом аспекте уместно провести условную параллель со ст. 159¹ УК РФ («Мошенничество в сфере кредитования»). Однако американская конструкция отличается более широкой диспозицией: она охватывает незаконное завладение не только кредитными средствами, но и любыми иными активами финансового учреждения (например, денежными средствами на депозитных счетах клиентов, которые похищаются в результате компрометации счетов). Именно эта широта позволяет применять § 1344 U.S.C. к случаям хищения денежных средств с кредитных карт граждан.

Американские виктимологические памятки прямо рекомендуют использование кредитных карт при онлайн-платежах, поскольку процедуры возврата (chargeback) в отношении кредитных средств характеризуются повышенной защищённостью. Данное обстоятельство обусловлено спецификой правового режима кредитных средств, остающихся собственностью банка до момента полного погашения задолженности. Особая квалификация хищения повышает «издержки» мошенников в соответствии с экономической теорией преступности [\[13\]](#). Этот опыт стоит учитывать и в России, поскольку у нас наличествуют проблемы не только с квалификацией таких деяний, но и профилактикой.

2. В китайском уголовном праве институт ответственности «дропов» («канун», 卡农 на местном сленге) имеет давнюю историю. Первоначальная редакция Уголовного кодекса КНР 1997 года содержала относительно простые составы преступлений, связанные с использованием компьютерных технологий, что соответствовало уровню развития цифровой инфраструктуры того периода, когда интернет-технологии ещё не получили широкого распространения [\[14, С. 662\]](#). Уже на этом этапе китайское законодательство демонстрировало существенные отличия от общеевропейского и постсоветского подходов к криминализации компьютерных преступлений.

Первым ключевым аспектом стал пакет поправок, внесённых в 2015 году, определивший стратегию криминализации подготовительных и вспомогательных действий:

- ст. 287.1 УК КНР предусматривает ответственность за создание веб-сайтов и распространение информации, способствующей совершению преступлений;
- ст. 287.2 УК КНР криминализировала любое техническое содействие компьютерным преступникам, включая передачу денег даже без прямого умысла.

Эти изменения заложили нормативную основу для формирования политики «нулевой терпимости» (零容忍政策) в отношении компьютерной преступности, характеризующейся комплексным применением уголовно-правовых и технологических мер противодействия.

Таблица №1. Эволюция подходов.

Параметр	Традиционный подход (до 2017)	Современная модель («нулевая терпимость»)
Цель	Наказание организаторов	Удар по всем звеньям цепочки
Доказывание	Требовался прямой умысел	Достаточно факта участия + «красных флагов»
Наказания	Штрафы + короткие сроки	Длительные сроки + конфискации
Профилактика	Редкие кампании	Постоянный мониторинг транзакций

Вторым аспектом стало существенное изменение механизма действия уголовного закона во времени. Законодатель ввёл принцип обратной силы вновь принимаемых норм, направленных на борьбу с компьютерной преступностью. Новые положения распространяются на правоотношения, возникшие до момента их официального введения в действие, при условии, что расследование было инициировано уже после принятия указанных норм.

Следует отметить, что китайское законодательство не предусматривает специального состава преступления для деятельности «дропов». В зависимости от характера и степени вовлеченности, их действия подпадают под следующие нормы Уголовного кодекса КНР:

- статья 312 («Соккрытие преступных доходов»);
- статья 191 («Отмывание денег»).

Отдельного внимания заслуживает ст. 287.2 УК КНР («Содействие компьютерным преступлениям»), которая применяется к «дропам» в случаях систематического посредничества в преступной деятельности или организации сети «дропов» (так называемых «дроповодов»). Как подчёркивает Народная прокуратура КНР, для квалификации по статье 287.2 УК КНР необходимо доказать наличие прямого умысла, что исключает возможность автоматического применения данного состава к единичным случаям посредничества [\[15\]](#).

Китайская правовая доктрина, отражая специфику национального менталитета, выработала особый подход привлечения «дропов» к уголовной ответственности. В рамках «соучастия в групповых преступлениях» (共同犯罪), закреплённого ст. 25-28 УК КНР, даже минимальное участие (например, передача банковской карты или аккаунта) может быть квалифицировано как соучастие при наличии следующих условий:

- осведомлённости о преступном характере деятельности (при этом не требуется точного знания механизма преступной схемы);
- получения материальной выгоды (любого вознаграждения, включая незначительные комиссионные).

Важную роль в практике правоприменения играет критерий «явной нелегитимности» (明显不法性), позволяющий признавать лиц виновными даже при отсутствии доказанного

прямого умысла. Данный критерий применяется, если:

- операции противоречат обычным финансовым практикам (например, массовые переводы между неаффилированными лицами);
- участник получал комиссию, существенно превышающую рыночную (ст. 191 УК КНР).

Ключевым аспектом является презумпция осведомлённости: суды исходят из того, что любой разумный участник финансовых отношений должен был заподозрить их противоправный характер. Достаточно установить фактическое осознание «ненормальности» проводимых транзакций, даже если прямой умысел не доказан. Незнание происхождения средств не считается оправданием, поскольку лицо, по мнению законодателя, обязано проявлять должную осмотрительность при проведении финансовых операций.

Такой подход демонстрирует превентивную направленность китайского уголовного права, ориентированного на максимальное затруднение функционирования преступных схем за счёт расширительного толкования соучастия и минимизации требований к доказыванию субъективной стороны преступления.

Если в США ещё возможны сделки о признании вины (plea bargain), то в КНР доминирует практика назначения реальных сроков лишения свободы.

Китай активно продвигает эту модель в рамках ШОС и БРИКС, требуя от стран-партнёров экстрадиции дропов-китайцев.

Сравнительно-правовой анализ показал, что в зарубежном законодательстве «дроп» представляет собой функциональную роль, а не самостоятельный состав преступления. Отсутствие специальной уголовно-правовой нормы, непосредственно криминализирующей деятельность «дропов», обусловлено её непризнанием в качестве юридического термина – данное понятие сохраняет статус криминального сленга. Уголовная ответственность наступает по совокупности норм: соучастие в мошенничестве, отмывание денежных средств либо участие в преступном сообществе. При этом, как демонстрирует исследование, правовое регулирование данного явления в различных национальных юрисдикциях характеризуется существенной дифференциацией.

В связи с этим вызывает сомнение позиция Верховного Суда РФ, который оставил данный вопрос без должного внимания в Постановлении № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Ведь представляется, что проблема лежала скорее в области организации правоприменительной практики, нежели в необходимости внесения системных изменений в уголовное законодательство.

НОВЕЛЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО БОРЬБЕ С «ДРОПАМИ»

Отечественное законодательство в последнее время ориентируется на некоторые из указанных выше элементов уголовной политики разных стран. В текущем году была предпринята попытка криминализации ряда действий, затрудняющих использование «дропов» в мошеннических схемах, путём принятия Федерального закона № 176 от 17 июня 2025 года «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской

Федерации».

Хотелось бы дать краткий криминологический комментарий относительно содержания данного закона.

1. Законодатель, криминализируя деяния, связанные с использованием электронных платёжных средств (включая банковские карты) по указанию третьих лиц, а также их передачу, опирается на определённые правовые предпосылки. В частности, в договоре банковского обслуживания, заключаемом между клиентом и кредитной организацией, закрепляется положение об исключительном праве владельца на использование карты. Любые формы передачи или использования карты третьими лицами рассматриваются как нарушение условий договора.

Содержание данных правоотношений не может служить достаточным основанием для уголовной ответственности, поскольку существуют «противоречащие» легальные практики выпуска дополнительных карт (в том числе для несовершеннолетних) по единому счёту клиента. В указанных случаях ответственность за распоряжение средствами несёт основной держатель счета, заключивший договор с банком. Встаёт вопрос о том, кто будет нести уголовную ответственность, если по дополнительно выпущенной карте клиента будут проводиться «дроперские» операции лицом, которому карта была передана для пользования?

Передача банковской карты третьим лицам не является абсолютно запрещённой и с точки зрения финансового законодательства. Федеральный закон «О национальной платёжной системе» не содержит прямого запрета на такое использование, отсылая к условиям договора и правилам, установленным кредитными организациями. Следовательно, уголовная ответственность основывается преимущественно на гражданско-правовых ограничениях и обычаях делового оборота, что вызывает необходимость более чёткой законодательной регламентации самого запрета.

По формальным критериям простой передачи электронного платёжного средства содержащейся в действиях человека недостаточно для образования состава преступления. Но в отличие от американской и китайской модели, принцип субъективного вменения для российской правовой действительности остаётся основным. Законодатель не пытается отойти от наличия прямого умысла в действиях лица, оказывающего посреднические услуги мошенникам. Более того, законодатель усложняет субъективную сторону состава преступления, обозначая «корыстную заинтересованность» как необходимый элемент. Это противоречит общемировой тенденции на упрощение механизма привлечения «дропов» к ответственности. В рамках российской правовой традиции речь может идти о криминализации прикосновенности к преступлению, которая потребовала обособления в виде отдельного состава преступления, но не о прямой имплементации норм зарубежного законодательства.

2. Электронное средство платежа, используемое в качестве понятия в диспозиции данной нормы, шире банковской карты, что теоретически позволит применять её по отношению к электронным платёжным системам, не связанным с банковским обслуживанием. Однако, как нам представляется, из данного случая выпадают криптовалютные средства. Операции с ними не считаются «переводом денежных средств» в терминологии Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе». Они рассматриваются как обмен цифровыми активами (или иным имуществом) внутри распределённого реестра (блокчейна). Криптокошелёк не является «электронным средством платежа» по смыслу закона, так как он не предназначен для перевода именно

денежных средств (рублей, долларов и т. д.). Переводы криптовалюты часто происходят децентрализованно, без участия официального «оператора по переводу денежных средств», которого обязывает к определённым действиям законодательство.

3. Заслуживает одобрения норма, комплексно внедрённая Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ «О внесении изменений в ст. 846 ГК РФ», которая фактически ограничивает несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в возможностях открытия банковского счёта без согласия родителей (попечителей).

Однако форма такого согласия непосредственно в законе не определена. Если соотнести данное положение с уже имеющимся указанием в ч. 1 ст. 26 ГК РФ, то согласие на заключение любой сделки, в том числе заключение договора о банковском счёте, должно быть выражено родителями в письменной форме. В эпоху дистанционного банковского обслуживания возникает серьёзный вопрос: как должно быть выражено такое письменное согласие, если подросток заключает посредством Интернет подобный договор? Сложность ещё состоит в том, что сделки несовершеннолетнего могут быть впоследствии одобрены письменным разрешением родителя на основании той же самой нормы.

Данное обстоятельство порождает коллизию между нормой, гарантирующей несовершеннолетним право на самостоятельное распоряжение платёжными средствами, и практическими сложностями её реализации. Для соблюдения требований законодательства кредитным организациям потребуется внедрить механизм уведомления законных представителей о попытках заключения договоров несовершеннолетними. В ближайшей перспективе это может привести к фактическому приостановлению заключения таких договоров до момента публикации Банком России соответствующих разъяснений, регламентирующих порядок применения новых норм.

Несмотря на то, что законодательное регулирование не распространяется на иные электронные платёжные средства (кроме банковских карт), вероятность использования несовершеннолетнего в качестве «дропа» существенно снижается. Это связано с тем, что подросток сможет открыть только анонимный электронный кошелёк. В соответствии с политикой Банка России по предотвращению мошенничества и внедрением систем глубокого анализа транзакций, при фиксации поступления средств на анонимный кошелёк с попыткой их перевода другому физическому лицу такой кошелёк мгновенно и автоматически блокируется, а средства замораживаются. Для разблокировки потребуется полная идентификация с предоставлением паспорта, что немедленно деанонимизирует «дропа» и ведёт к его уголовной ответственности. Такой сценарий абсолютно неэффективен и непривлекателен для преступников, которые ищут рабочие, быстрые и предсказуемые каналы.

Смеем предположить, что норма вводится превентивно. Цель законодателя – не создать идеальный, лишённый противоречий правовой механизм, а защитить несовершеннолетних от мошенников и их же собственных необдуманных действий. Норма переводит всю ответственность с банка (который не может оценить обстоятельства каждой семьи) на родителей. Банку теперь запрещено доверять дееспособности несовершеннолетнего в этом конкретном вопросе.

4. Одним из недостатков уголовной политики в части криминализации участия «дропов» в мошеннических схемах является то обстоятельство, что вновь принимаемые нормы не могут оперативно адаптироваться к изменяющимся общественным отношениям. Законодатель односторонне воспринимает наиболее распространённую на сегодняшний

день модель их участия – предоставление доступа к своим электронным платёжным средствам либо совершение операций по указанию преступников – как единственно возможную.

Необходимо учитывать, что в условиях существования мошеннических схем, вторгающихся в сферу дистанционной торговли, мы сталкиваемся с иными хорошо известными моделями посредничества. В частности, через привлечение подставных лиц для получения товаров, приобретённых на похищенные средства.

Кроме того, «дроп» может ограничиться предоставлением преступникам своих персональных данных (сканов паспорта, СНИЛС, ИНН) для открытия счетов или создания аккаунтов в платёжных системах, не предпринимая самостоятельных действий. Так он формально не приобретает статус субъекта преступления, который по смыслу закона обязан являться клиентом оператора по переводу денежных средств.

В последнем случае существенно усложняется доказывание наличия состава преступления, поскольку на момент совершения противоправных действий «дроп» мог вообще не обладать какими-либо электронными платёжными средствами, которые впоследствии использовались преступниками.

Критике подлежит и законодательная оценка степени общественной опасности данной деятельности. Анализ санкций показывает, что деяния «дропов» располагаются в промежуточном положении между основным составом мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ) и его квалифицированными видами (ч. 2 ст. 159 УК РФ). Такая дифференциация предполагает, что законодатель рассматривает участие «дропа» исключительно в контексте сложных преступных схем, не охватываемых основным составом мошенничества. При этом теоретически возможна ситуация, когда «дроп» будет нести более строгую ответственность, чем непосредственный исполнитель в простой схеме мошенничества.

Всё это может привести к нарушению системности уголовно-правовых норм.

ВЫВОДЫ

1. Анализ криминологических аспектов мошенничества, связанного с использованием «дропов», позволяет сделать вывод о том, что завладение денежными средствами остаётся ключевым и наиболее значимым предметом преступных посягательств. В условиях перехода к безналичным расчётам происходит трансформация форм преступной деятельности: если ранее преступники прибегали к обналичиванию средств через банкоматы (т. н. АТМ-банкинг), то теперь «дропы» всё чаще используются для осуществления операций через электронные платёжные системы. Более того, наблюдается тревожная тенденция вовлечения криптовалют в преступные схемы, что создаёт новые возможности для отмыwania и легализации преступных доходов.

Феномен «дроперства» представляет собой сложное социально-правовое явление, которое прошло длительный путь эволюции. Однако не все его исторические формы утратили свою актуальность. Законодательная реакция на данный феномен, выразившаяся во внесении изменений в статью 187 УК РФ в 2025 году, обусловлена необходимостью противодействия наиболее распространённым и резонансным преступным схемам.

Роль «дропов» как посредников в преступном мире заслуживает отдельного внимания. Усложнение преступных схем и повышение требований к уровню организации преступной деятельности приводят к увеличению порога вхождения в данный криминальный бизнес. Если в историческом контексте роль скупщика краденого считалась престижной и уважаемой, то в современной действительности многие дропы действуют «в тёмную», получая за свою роль минимальное вознаграждение.

2. Исследование правоприменительной практики и содержания законодательства зарубежных стран, наиболее строго регулирующих вопрос привлечения «дропов» к уголовной ответственности (в частности, Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика), позволяет сделать вывод о том, что единой нормы для их привлечения к ответственности не существует. Вместо этого применяется совокупность правовых положений, связанных с отмытием и легализацией денежных средств, полученных преступным путём.

В зарубежных странах вопрос уголовной ответственности «дропов» решается преимущественно в рамках правоприменительной практики, которая формировалась эволюционным путём. Это обусловило минимальную потребность во внесении изменений в законодательство, что контрастирует с континентальной системой права, где введение новых норм требует более строгого и системного подхода, связанного с кодификацией законодательства и принципиальным отрицанием аналогии уголовного закона.

Российская Федерация частично заимствовала доктринальные идеи в качестве основы для криминализации и совершенствования собственного законодательства. Прямое имплементирование оказалось невозможным.

В связи с изложенным представляется целесообразным отметить, что часть проблем можно было решить посредством Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащего разъяснения относительно квалификации действий так называемых «дропов». Несмотря на наличие действующего постановления Пленума Верховного Суда от 15 декабря 2022 года № 37, посвящённого вопросам противодействия компьютерным преступлениям, феномен посредничества в мошеннических схемах не получил в нём должного освещения.

Указанный пробел представляется существенным недостатком, поскольку даже новейшие законодательные изменения не позволяют комплексно решить все проблемы, связанные с привлечением указанной категории лиц к уголовной ответственности.

3. В контексте дальнейшего совершенствования уголовного закона представляется необходимым включить в сферу уголовно-правового регулирования операции с криптовалютными средствами. Действующая законодательная конструкция отсылает к понятию «электронное платёжное средство», выходящему за пределы понятия банковской карты (традиционно для изученной зарубежной практики), что является положительным моментом. Отсутствие прямого упоминания криптоактивов создаёт необходимость возврата к квалификации таких действий, как легализации (отмытию) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём, что нивелирует значимость принятой нормы, размывая правоприменительную практику.

Отдельного внимания требует вопрос соразмерности санкций, косвенно отражающих общественную опасность деяния. Установленная законодателем строгость наказания для «дропов» (превышающая санкции за основное мошенничество) в определённой степени оправдана усложнением преступных схем и ключевой ролью посредников в их

реализации. Однако сохраняется риск дисбаланса: в случае, если основной исполнитель будет осуждён по основному составу мошенничества (ст. 159 УК РФ), а «дроп» – по ст. 187 УК РФ, может возникнуть ситуация, при которой посредник понесёт более строгое наказание, чем исполнитель преступления. Данный дисбаланс требует корректировки для соблюдения принципа справедливости уголовной ответственности.

Библиография

1. Газимуллин И.Ю. Некоторые организационно-тактические особенности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. № 1 (9). С. 50-54. EDN: UYRFJN.
2. Гайфутдинов Р.Р. Типы компьютерных мошенников // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2, Право. С. 54-58. EDN: ZAOZRX.
3. Тимко С.А., Подшивалов А.П. Региональный наркосбыт с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет": ролевая характеристика его участников // Lex Russica. 2021. № 5 (174). С. 125-133. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.125-133. EDN: NFTTED.
4. Родивилин И.П. Типологизация лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, по способу преступного деяния // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 25-29. EDN: XIBUQU.
5. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера "Телеграм" в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 5-17. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).5-17. EDN: SKWJXK.
6. Кузнецов С.В. "Выступление по вопросу телефонного мошенничества" на ПМЭФ-2025 от 26 июня 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Телефонное_мошенничество (дата обращения: 19 августа 2025).
7. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность в условиях рыночных отношений и информационного общества: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009. 63 с. EDN: NLBW WP.
8. Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия "Экономика и право". 2024. Т. 34. № 6. С. 1075-1083. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1075-1083. EDN: MRJWBE.
9. Зотина Е. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приёмов социальной инженерии: криминологическое исследование: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Зотина Елена. Казань, 2025. 249 с. EDN: TTECP C.
10. Sutherland E.H. The professional thief. Chicago: University of Chicago Press, 1937. 256 p.
11. Kaplan J., Weisberg R. Criminal law: Cases and Materials (7th ed.). New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2012. 1106 p.
12. United States v. Jewell, 532 F.2d 697 (9th Cir. 1976) [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/532/697/99156/> (дата обращения: 19 августа 2025).
13. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76, № 2. P. 169-217. DOI: 10.1086/259394.
14. Ван Г. Уголовно-правовое регулирование противодействия киберпреступности в

Китае: состояние, тенденции и недостатки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 3. С. 661-677. DOI: 10.21638/spbu14.2022.305. EDN: AMDULC.

15. Ян С., Ван Ц., Фэн Ц. Судебное определение преступления пособничества и подстрекательства к платежам и расчётам // 检察日报-理论版. 18 декабря 2024 года. URL: https://login.12309.gov.cn:8443/spp/llyj/202412/t20241218_676699.shtml

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия деятельности "дропов". Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В условиях глобальной цифровизации общественных отношений фиксируется устойчивая тенденция к трансформации структуры преступности, характеризующаяся экспоненциальным ростом удельного веса мошеннических посягательств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Особую проблему представляет феномен участия так называемых «дропов» (от англ. "drop" – ронять, кидать) – лиц, задействованных в преступных схемах в качестве посредников, обеспечивающих перемещение материальных ценностей от потерпевших к преступнику"; "Настоящее исследование приобретает особую значимость в свете необходимости комплексного анализа уголовной политики государств, демонстрирующих наиболее репрессивные модели правоприменительной практики в отношении «дропов». Актуальность такого анализа обусловлена стереотипным отождествлением жёсткости пенализации с эффективностью уголовно-правовой превенции, что требует более тщательного осмысления" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "По данным Бюро специальных технических мероприятий МВД РФ, в середине 2000-х годов «время жизни» одного «дропа» в преступных схемах составляло в среднем 3–4 месяца [3, С. 1077]. После этого правоохранительные органы выявляли таких лиц, предъявляли обвинение, а преступники находили новых посредников. Социальный портрет «дропов» того периода характерен: их вербовали через объявления на улицах и интернет-досках объявлений, предлагая «несложный заработок» студентам и лицам, находящимся в сложной финансовой ситуации. Это создавало иллюзию легального фриланса, хотя фактически вовлекало людей в преступную деятельность. Таким образом, к середине 2000-х годов мошенничество с использованием «дропов» стало доминирующим способом получения преступных доходов, сместив акцент с прямого хищения «кардерами» денежных средств на опосредованные схемы с участием подставных лиц"; "Трансформация преступных схем, выразившаяся в переходе от хищения карт к получению их реквизитов, хотя и упростила совершение преступлений, но существенно

осложнила квалификацию. Правоприменительная практика столкнулась с необходимостью дополнительного вменения: - ст. 272 УК РФ при наличии признаков компьютерного взлома; - ст. 183 УК РФ в случаях незаконного получения доступа к банковской тайне. Данная правовая неопределённость была частично разрешена законодательными новеллами: ст. 1593 УК РФ (Мошенничество с платёжными картами – первоначальная редакция), 1596 (Компьютерное мошенничество), что несколько упростило квалификацию"; "Американские виктимологические памятки прямо рекомендуют использование кредитных карт при онлайн-платежах, поскольку процедуры возврата (chargeback) в отношении кредитных средств характеризуются повышенной защищённостью. Данное обстоятельство обусловлено спецификой правового режима кредитных средств, остающихся собственностью банка до момента полного погашения задолженности. Особая квалификация хищения повышает «издержки» мошенников в соответствии с экономической теорией преступности [7]. Этот опыт стоит учитывать и в России, поскольку у нас наличествуют проблемы не только с квалификацией таких деяний, но и профилактикой"; "Ключевым аспектом является презумпция осведомлённости: суды исходят из того, что любой разумный участник финансовых отношений должен был заподозрить их противоправный характер. Таким образом, достаточно установить фактическое осознание «ненормальности» проводимых транзакций, даже если прямой умысел не доказан. Незнание происхождения средств не считается оправданием, поскольку лицо, по мнению законодателя, обязано проявлять должную осмотрительность при проведении финансовых операций. Такой подход демонстрирует превентивную направленность китайского уголовного права, ориентированного на максимальное затруднение функционирования преступных схем за счёт расширительного толкования соучастия и минимизации требований к доказыванию субъективной стороны преступления. Если в США ещё возможны сделки о признании вины (plea bargain), то в КНР доминирует практика назначения реальных сроков лишения свободы. Китай активно продвигает эту модель в рамках ШОС и БРИКС, требуя от стран-партнёров экстрадиции дропов-китайцев"; "По формальным критериям простой передачи электронного платёжного средства содержащейся в действиях человека недостаточно для образования состава преступления. В отличие от американской и китайской модели, принцип субъективного вменения для российской правовой действительности остаётся основным. Законодатель не пытается отойти от наличия прямого умысла в действиях лица, оказывающего посреднические услуги мошенникам. Более того, законодатель усложняет субъективную сторону состава преступления, обозначая «корыстную заинтересованность» как дополнительный необходимый элемент. Это противоречит общемировой тенденции на упрощение механизма привлечения «дропов» к ответственности. В российской правовой традиции речь может идти о криминализации прикосновенности к преступлению, которая потребовала обособления в виде отдельного состава преступления, но не о прямой имплементации норм зарубежного законодательства"; "Необходимо учитывать, что в условиях существования мошеннических схем, вторгающихся в сферу дистанционной торговли, мы сталкиваемся с иными хорошо известными моделями посредничества. В частности, через привлечение подставных лиц для получения товаров, приобретённых на похищенные средства. Кроме того, «дроп» может ограничиться предоставлением преступникам своих персональных данных (сканов паспорта, СНИЛС, ИНН) для открытия счетов или создания аккаунтов в платёжных системах, не предпринимая самостоятельных действий. В таком случае он формально не приобретает статус субъекта преступления, который по смыслу закона обязан являться клиентом оператора по переводу денежных средств. В последнем случае существенно усложняется доказывание наличия состава преступления, поскольку на момент совершения противоправных действий «дроп» мог вообще не

обладать какими-либо электронными платёжными средствами, которые впоследствии использовались преступниками. Критике подлежит и законодательная оценка степени общественной опасности данной деятельности. Анализ санкций показывает, что деяния «дропов» располагаются в промежуточном положении между основным составом мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ) и его квалифицированными видами (ч. 2 ст. 159 УК РФ). Такая дифференциация предполагает, что законодатель рассматривает участие «дропа» исключительно в контексте сложных преступных схем, не охватываемых основным составом мошенничества. При этом теоретически возможна ситуация, когда «дроп» будет нести более строгую ответственность, чем непосредственный исполнитель в простой схеме мошенничества. Всё это может привести к нарушению системности уголовно-правовых норм" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из трех разделов: "ФЕНОМЕН «ДРОПЕРСТВА» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ"; "ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ"; "НОВЕЛЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО БС С «ДРОПАМИ». В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В области компьютерной преступности, феномен «дроперства» сформировался в конце XX века" - запятая является лишней.

Ученый отмечает: "По формальным критериям простой передачи электронного платёжного средства содержащейся в действиях человека недостаточно для образования состава преступления" - "По формальным критериям простой передачи электронного платёжного средства, содержащейся в действиях человека, недостаточно для образования состава преступления" (см. на пунктуацию).

Автор указывает: "Сложность состоит ещё в том, что сделки несовершеннолетнего могут быть впоследствии одобрены письменным разрешением родителя на основании те той же самой нормы Гражданского кодекса" - необходимо убрать "те" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 9 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, аналитическими и эмпирическими материалами). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Анализ криминологических аспектов мошенничества, связанного с использованием «дропов», позволяет сделать вывод о том, что завладение денежными средствами остаётся ключевым и наиболее значимым предметом преступных посягательств. В условиях перехода к безналичным расчётам происходит трансформация форм преступной деятельности: если ранее преступники прибегали к обналичиванию средств через банкоматы (т. н. atm-банкинг), то теперь «дропы» всё чаще используются для осуществления операций через электронные платёжные системы. Более того, наблюдается тревожная тенденция вовлечения криптовалют в преступные схемы, что

создаёт новые возможности для отмыывания и легализации преступных доходов. Феномен «дроперства» представляет собой сложное социально-правовое явление, которое прошло длительный путь эволюции. Однако не все его исторические формы утратили свою актуальность. Законодательная реакция на данный феномен, выразившаяся во внесении изменений в статью 187 УК РФ в 2025 году, обусловлена необходимостью противодействия наиболее распространённым и резонансным преступным схемам. Роль «дропов» как посредников в преступном мире заслуживает отдельного внимания. Усложнение преступных схем и повышение требований к уровню организации преступной деятельности приводят к увеличению порога вхождения в данный криминальный бизнес. Если в историческом контексте роль скупщика краденого считалась престижной и уважаемой, то в современной действительности многие дропы действуют «в тёмную», получая за свою роль минимальное вознаграждение. 2. Исследование правоприменительной практики и содержания законодательства зарубежных стран, наиболее строго регулирующих вопрос привлечения «дропов» к уголовной ответственности (в частности, Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика), позволяет сделать вывод о том, что единой нормы для их привлечения к ответственности не существует. Вместо этого применяется совокупность правовых положений, связанных, как правило, с отмыыванием и легализацией денежных средств, полученных преступным путём. В зарубежных странах вопрос уголовной ответственности «дропов» решается преимущественно в рамках правоприменительной практики, которая формировалась эволюционным путём. Это обусловило минимальную потребность во внесении изменений в законодательство, что контрастирует с континентальной системой права, где введение новых норм требует более строгого и системного подхода, связанного с кодификацией законодательства и принципиальным отрицанием аналогии уголовного закона. Российская Федерация частично заимствовала зарубежные доктринальные идеи в качестве основы для криминализации и совершенствования собственного законодательства. Однако прямое имплементирование оказалось невозможным.

В связи с изложенным представляется целесообразным отметить, что часть проблем можно было решить посредством Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащего разъяснения относительно квалификации действий так называемых «дропов». Однако, несмотря на наличие действующего постановления Пленума Верховного Суда от 15 декабря 2022 года № 37, посвящённого вопросам противодействия компьютерным преступлениям, феномен посредничества в мошеннических схемах не получил в нём должного освещения. Указанный пробел представляется существенным недостатком, поскольку даже новейшие законодательные изменения не позволяют комплексно решить все проблемы, связанные с привлечением указанной категории лиц к уголовной ответственности" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и криминологии при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), расширении теоретической базы работы, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена комплексному анализу правовых и криминологических аспектов феномена "дропов" - лиц, выступающих посредниками в мошеннических схемах с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Автор исследует эволюцию данного явления от традиционного обналичивания средств до современных форм финансового посредничества в киберпреступности.

Методология исследования

Методологический аппарат исследования представляется обоснованным и соответствует заявленным целям. Автор корректно применяет сравнительно-правовой метод для анализа опыта США, КНР и России, формально-юридический метод для исследования норм различных правовых систем, а также междисциплинарный подход, включающий социологические и статистические элементы. Эмпирическая база исследования достаточна и включает актуальные статистические данные, материалы судебной практики и научные публикации за последние годы.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В условиях цифровизации общественных отношений и роста киберпреступности проблема правовой квалификации действий "дропов" приобретает особую значимость. Автор убедительно обосновывает необходимость комплексного изучения данного феномена, указывая на недостаточную научную разработанность темы и практические сложности правоприменения. Особую актуальность исследованию придает анализ влияния современных геополитических факторов на трансформацию преступных схем.

Научная новизна

Научная новизна работы проявляется в нескольких аспектах:

Терминологическое уточнение: автор четко разграничивает понятие "дропы" в контексте финансовых мошенничеств и "закладчики" в сфере наркопреступности, критикуя некорректное отождествление этих терминов в литературе.

Сравнительно-правовой анализ: впервые в отечественной науке проведено системное сопоставление подходов к криминализации деятельности "дропов" в России, США и Китае с детальным анализом правовых конструкций (*willful blindness*, концепция "злонамеренной слепоты").

Криминологический портрет: представлена эволюция социального профиля "дропов" и их роли в преступных схемах с исторической ретроспективой.

Критический анализ новелл законодательства: дана обстоятельная оценка изменений в российское уголовное законодательство 2025 года.

Стиль, структура, содержание

Статья характеризуется четкой структурой, логичным изложением материала и высоким научным стилем. Автор демонстрирует глубокое знание предмета исследования, свободно оперирует специальной терминологией и правовыми конструкциями различных правовых систем. Особо следует отметить качественный перевод и интерпретацию китайских правовых норм и доктринальных позиций.

Структура работы продумана и соответствует логике исследования: от исторического генезиса феномена через сравнительно-правовой анализ к критической оценке современного российского законодательства. Выводы обоснованы и вытекают из проведенного анализа.

Вместе с тем, отмечаются некоторые стилистические особенности: избыточная детализация отдельных положений в ущерб концентрации на ключевых выводах, а также периодическое использование оценочных суждений без достаточного обоснования.

Библиография

Библиографический аппарат работы заслуживает высокой оценки. Автор использует актуальные источники, включая новейшие изменения в законодательство, современные научные публикации и зарубежные материалы. Привлечение классических работ (например, Э. Сазерленда) свидетельствует о понимании исторического контекста проблемы.

Однако следует отметить недостаточное использование зарубежных научных источников по криминологии киберпреступности, что могло бы усилить теоретическую базу исследования.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными точками зрения на проблему квалификации действий "дропов" и корректно ведет полемику с оппонентами. Критически оценивается позиция Верховного Суда РФ по недостаточному вниманию к данной проблематике, а также анализируются различные доктринальные подходы российских и зарубежных исследователей.

Вместе с тем, полемика могла бы быть более развернутой, особенно в части обоснования собственной позиции автора по спорным вопросам квалификации.

Выводы и интерес для читательской аудитории

Выводы исследования представляются обоснованными и практически значимыми: pp1. Убедительно показана эволюция феномена "дроперства" и его современные формы.

Выявлены недостатки российского подхода к криминализации по сравнению с зарубежным опытом.

Обоснована критика новелл российского законодательства 2025 года и предложены направления их совершенствования.

Определены перспективы развития правового регулирования в условиях развития криптовалютных технологий.

Исследование представляет интерес для широкого круга специалистов: практикующих юристов, работников правоохранительных органов, научных работников в области уголовного права и криминологии, а также законодателей. Практическая значимость работы подкрепляется конкретными предложениями по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Общая оценка и рекомендации

Рецензируемая статья представляет собой качественное научное исследование актуальной и малоизученной проблемы. Автор демонстрирует высокий уровень научной подготовки, знание зарубежного опыта и способность к критическому анализу отечественного законодательства.